

ПОКА ЦВЕТУТ АПЕЛЬСИНЫ

Элина Вейр

Пока цветут апельсины

<https://litres.ru/74359942>

SelfPub; 2026

Аннотация

Валенсия, 1888 год. Инес Феррер, дочь переплётчика, куда лучше разбирается в книгах, чернилах и семейных счетах, чем в правилах приличного общества. Когда долги грозят лишить её семью мастерской и дома, неожиданное предложение наследника богатейшего рода кажется одновременно спасением и безумием.

Габриэлю де Альварадо нужна невеста. Инес нужны деньги. Всего несколько месяцев фиктивной помолвки, чёткие условия и главное правило: никаких чувств.

Но притворяться влюблёнными оказывается опасно легко. Особенно когда за светскими улыбками скрываются старые семейные тайны, а человек, которого ты собиралась лишь терпеть, постепенно становится тем, кому хочется доверять.

Инес точно знает одно: свою жизнь она никому не позволит решить за неё. Даже если ради этого придётся рискнуть сердцем.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Элина Вейр

Пока цветут апельсины

Глава 1

Чернила на пальцах

В восемнадцать лет у девушки, как утверждала моя мать, должны быть три вещи: хорошее приданое, скромный характер и хотя бы одно платье, в котором не стыдно показаться приличным людям.

У меня не было ни одной.

Приданое съел прошлогодний дождь. Точнее, дождь съел часть урожая у наших заказчиков, заказчики перестали платить моему отцу, отец начал занимать деньги, а дальше всё пошло по той самой дорожке, по которой приличные семьи обычно идут очень тихо, делая вид, что просто прогуливаются.

Со скромным характером не сложилось с рождения.

А на моём лучшем платье в тот день была *клякса*.

— Инес.

Я спрятала левую руку за спину.

Мама даже не посмотрела.

— Покажи.

— Что именно?

— Руку.

— У меня две. Ты могла бы уточнить.

— Ту, которую ты прячешь.

Я вздохнула и показала ладонь. Между большим и указательным пальцем тянулась синяя полоса, а на манжете белела, то есть уже не белела, свежая чернильная клякса.

Мама закрыла глаза.

Это был её любимый способ разговаривать с Господом обо мне, не прибегая к словам.

— Инес, — произнесла она спустя несколько секунд, — сегодня ты едешь в дом маркиза.

— Я еду отдать папины книги.

— В дом маркиза.

— Я не собираюсь обнимать маркиза этой рукой.

— Ты вообще никого не собираешься обнимать.

— Тогда я не вижу проблемы.

Из-за стойки прыснул мой брат.

Томасу было тринадцать, и в последнее время он испытывал ко мне очень нежные чувства. Особенно когда я говорила вещи, за которые потом отчитывали не его.

— Томас, — сказала мама.

— Я ничего.

— Именно это ты обычно говоришь перед тем, как что-нибудь разбить.

Наш магазин назывался «Феррер и сыновья».

Сыновей у отца было двое, если считать дядю Рафаэля,

который пятнадцать лет как исчез, и одного, если считать людей, которые действительно существовали в нашей жизни. Почему магазин не назывался «Феррер и сын», отец объяснял традицией. Мама — упрямством. Я считала, что вывеска была куплена до рождения Томаса и переделывать её просто было дорого.

Мы занимали первый этаж узкого дома на улице недалеко от площади Рынка. Спереди продавали бумагу, чернила, сургуч, конверты, тетради, книги и всякие мелочи, без которых человечество почему-то способно прожить до тех пор, пока не вспомнит о необходимости написать письмо. Сзади отец переплетал книги, делал папки для контор и печатал небольшие тиражи объявлений на старом прессе, который скрипел так, будто каждое утро жаловался на собственную жизнь.

Наверху жили мы.

Обычная семья.

Обычный дом.

Обычные долги.

Ничего романтического.

И это, если честно, меня полностью устраивало.

Я вообще подозрительно относилась к романтике. Она прекрасно выглядела в книгах, которые я тайком читала в магазине, но в жизни обычно сопровождалась плохими решениями, мокрыми ресницами и тем, что кто-то кому-то должен был объяснять свои чувства.

Мне было достаточно собственных чувств. Они и без объяснений занимали много места.

Отец вышел из мастерской, держа под мышкой две книги в тёмно-зелёных переплётах.

— Готово.

Я перестала спорить с мамой и посмотрела на него.

Папа улыбнулся.

У него была усталая улыбка.

Раньше я её не замечала.

Последние месяцы начала.

— Это для дона Эстебана де Альварадо, маркиза де Монтельяно, — сказал он. — Передашь управляющему. Скажешь, что переплёт восстановлен полностью, а золотое тиснение пришлось делать заново.

— Хорошо.

— И сразу назад.

— Папа.

— Что?

— Я умею доставлять книги.

— В прошлый раз ты вернулась с собакой.

— Она шла за мной.

— Ты дала ей имя.

— Она выглядела так, будто ей не хватало имени.

— И принесла домой.

— Она выглядела так, будто ей не хватало дома.

Мама поставила чашку на стол чуть громче, чем требова-

лось.

— И теперь собака спит у Томаса.

— Видите? Всё закончилось прекрасно.

— Для собаки, — сказал отец.

Томас поднял голову.

— Для меня тоже.

— Никто тебя не спрашивал.

— Это в нашем доме вообще редко кого останавливает,
— заметил он.

Я показала ему большой палец.

Мама снова закрыла глаза.

Отец рассмеялся, но тут же отвёл взгляд.

На стойке лежал конверт.

Я заметила его ещё утром. Серый, плотный, с красной печатью конторы дона Гаспара Мори. Человека, который давал деньги под проценты и разговаривал так, будто проценты начислялись даже на паузы между словами.

— Он опять писал? — спросила я.

Отец слишком быстро положил ладонь на конверт.

— Это по делу.

— Какому?

— Моему.

— То есть плохому.

— Инес.

Я прикусила язык.

Иногда моя семья принимала мою способность замечать

очевидное за недостаток воспитания.

Не могу сказать, что они были совершенно неправы.

Отец снял очки и потёр переносицу.

— Я разберусь.

Вот эти три слова были особенно неприятными.

«Я разберусь» обычно означало: «Проблема уже достаточно большая, чтобы я не хотел вас пугать».

— Сколько? — спросила я.

Мама резко посмотрела на меня.

Отец промолчал.

— Папа.

— Не сейчас.

— А когда?

— Когда это станет твоей заботой.

Вот тут мне стало обидно.

Потому что магазин был не просто его заботой. Это был наш дом. Наш хлеб. Мамины бессонные ночи над счетами. Томас, который после школы таскал коробки. Я, которая умела отличить хорошую бумагу от плохой на ощупь и могла за десять минут собрать заказ человеку, который сам не понимал, что ему нужно.

Но в 1888 году восемнадцатилетняя дочь не считалась человеком, которому полагалось знать семейные счета.

Ей полагалось уметь сидеть прямо.

С этим у меня тоже были проблемы.

— Хорошо, — сказала я.

Отец прищурился.

— Почему ты сказала это таким тоном?

— Каким?

— Как будто уже придумала что-то ужасное.

— Ничего я не придумала.

— Инес.

— Папа, клянусь, сейчас я всего лишь отвезу книги.

Это была чистая правда.

В тот момент я действительно собиралась всего лишь отвезти книги.

Если бы кто-нибудь сказал мне, что через несколько недель моё имя будут обсуждать за столами самых старых семей Валенсии, отец начнёт читать светскую хронику с выражением человека, которому угрожают лично, а я буду официально помолвлена с наследником одного из крупнейших состояний провинции, я бы ответила совершенно разумно.

Я бы сказала:

«У вас, вероятно, солнечный удар».

Потому что июнь в Валенсии уже стоял жаркий.

А я была Инес Феррер.

Дочь переплётчика.

С чернилами на пальцах.

И, как выяснилось немного позже, с отвратительной привычкой попадаться на глаза не тем мужчинам.

До Сан-Аурелио я добралась ближе к полудню.

Сначала омнибус, потом короткая поездка в нанятой повозке, за которую отец велел не переплачивать, поэтому я, конечно, пятнадцать минут торговалась с кучером и в конце чувствовала себя победительницей войны, которую сама же и начала.

За городом воздух менялся.

Камень и пыль уступали земле. Дорога шла между полями и садами. Тёмная листва апельсиновых деревьев блестела под солнцем, а кое-где между ними ещё оставались поздние белые цветы. Их запах был сладким, почти густым, и ветер приносил его волнами.

Вдали белело море.

Я высунулась из повозки чуть дальше, чем полагалось приличной девушке.

— Сеньорита, — недовольно сказал кучер.

— Я не выпаду.

— Все так говорят до того, как выпадают.

— А вы часто возите выпавших девушек?

Он покосился на меня.

— Вы из города.

— Очень наблюдательно.

Он больше со мной не разговаривал.

Сан-Аурелио оказался не домом.

Сан-Аурелио оказался заявлением.

«У нашей семьи много денег, земли и предков, — сообщал он каждому, кто приближался. — И мы считаем необхо-

димым, чтобы вы узнали об этом ещё до того, как войдёте».

Белый каменный фасад был длинным, с аркадами, высокими окнами и двумя башенками по краям, которые выглядели слишком красиво, чтобы иметь практический смысл. Перед домом лежал широкий двор с фонтаном. За ним виднелись сады, а ещё дальше, между кипарисами, мелькало море.

Я посмотрела на свои ботинки.

Потом на дом.

Потом снова на ботинки.

— Нормально, — сказала я себе.

Они были чистыми.

Почти.

Я взяла книги и пошла к лестнице.

Мне оставалось только передать их управляющему.

На всё — минут десять.

Максимум пятнадцать.

Разумеется, именно в этот день в Сан-Аурелио решили устроить приём.

Глава 2

Приглашение не для меня

Приём я заметила не сразу.

Сначала были экипажи.

Потом слуги.

Потом женщина в лиловом платье прошла по галерее так величественно, будто лично изобрела осанку.

И только после этого мой разум наконец соединил обстоятельства.

— Чудесно, — пробормотала я.

На мне было светло-кремовое платье, вполне приличное для девушки, которая собиралась доставить две книги, и совершенно неподходящее для девушки, которая случайно оказалась посреди собрания людей, чьи перчатки, вероятно, стоили дороже нашего недельного дохода.

Я прижала книги к груди и вошла под арку.

Внутренний двор оказался ещё хуже.

То есть лучше.

Но для меня хуже.

По стенам поднималась бугенвиллея. В центре журчал фонтан. Под навесами стояли столы с лимонадом, фруктами и маленькими пирожными, которые выглядели настолько изящно, что есть их казалось неприличным. Женщины смеялись. Мужчины говорили о чём-то важном с выражением

людей, которые даже погоду обсуждают как государственный вопрос.

Никто не обратил на меня внимания.

Это меня полностью устраивало.

— Управляющий? — спросила я у слуги.

Он посмотрел на книги.

— Сеньор Рибера сейчас в западной галерее. Подождите здесь, сеньорита.

— Я могу отнести сама.

— Подождите здесь.

Это было сказано тем особым тоном, которым слуги богатых домов умели превращать просьбу в закон.

Я осталась.

Минуту.

Две.

Три.

На четвёртой мне стало скучно.

На пятой я заметила пирожные.

На шестой решила, что если хозяева выставили еду на стол, значит, предполагали, что кто-нибудь её съест.

Логика была безупречной.

Я взяла одно.

— Кажется, я вас раньше не видел.

Я обернулась с половиной пирожного во рту.

Передо мной стоял молодой мужчина лет двадцати трёх, светловолосый, тонкий, в идеально сидящем светлом костю-

ме.

Он улыбался.

Не мне.

Самому себе в моём присутствии.

Я дожевала.

— Вероятно, потому что вы меня раньше не видели.

Он моргнул.

— Я имел в виду, вы с кем приехали?

— С двумя книгами.

— Простите?

Я слегка подняла стопку.

— Они очень тихие спутницы. Никогда не перебивают.

Позади него кто-то кашлянул.

Мне показалось, кашель был подозрительно похож на смех.

Молодой человек оглянулся, но там стояли только двое мужчин. Один пожилой, второй — высокий, тёмноволосый, в сером сюртуке без лишней отделки.

Тёмноволосый держал бокал и смотрел в нашу сторону.

На его лице не было улыбки.

Но глаза смеялись.

Меня это почему-то раздражило сильнее, чем если бы он смеялся открыто.

Светловолосый снова повернулся ко мне.

— Вы дочь кого-то из служащих?

Вот.

Тот самый момент.

Иногда жизнь предоставляет человеку возможность промолчать.

Очень полезная возможность.

Я всегда замечала её примерно за секунду до того, как не использовала.

— Нет, — ответила я. — А вы?

Он выпрямился.

— Я виконт де Льеро.

— Тогда, полагаю, нет.

За его спиной тёмноволосый всё-таки рассмеялся.

Не громко.

Но совершенно без стыда.

Виконт покраснел.

— Вы находите что-то забавным, Габриэль?

— Исключительно пирожные, — отозвался тот.

Так я впервые услышала его имя.

Габриэль.

Он подошёл ближе.

Я сразу поняла две вещи.

Первая: это человек, к которому привыкли поворачиваться, когда он входит.

Не потому, что он требовал внимания. Наоборот. Он двигался лениво, почти небрежно. Но вокруг него каким-то образом появлялось пространство.

Вторая: он это прекрасно знал.

Тёмные волосы были чуть длиннее строгой моды и лежали не так аккуратно, как следовало. Глаза — карие, очень тёмные. Кожа загорелая, будто он проводил на солнце больше времени, чем приличествовало наследнику состояния. Улыбка была лёгкой и очень опасной.

Не в смысле ножа.

В смысле женщины потом совершают глупости и винят погоду.

— Луис, — сказал он виконту, — моя тётя ищет тебя.

— Ваша тётя меня не знает.

— Тем интереснее будет знакомство.

Виконт посмотрел сначала на него, потом на меня.

— Я всё же хотел узнать имя сеньориты.

— Инес Феррер, — сказала я прежде, чем тёмноволосый успел вмешаться. — Дочь Матео Феррера, переплётчика с улицы Сан-Висенте. Теперь вы знаете всё необходимое, и ваша жизнь, надеюсь, продолжится спокойно.

Глаза тёмноволосого мужчины вспыхнули.

Луис открыл рот.

Потом закрыл.

И ушёл.

Я проводила его взглядом.

— Возможно, это было невежливо, — сказала я.

— Возможно? — спросил Габриэль.

— Я оставляю место сомнениям.

— Великодушно.

— Я стараюсь.

Он посмотрел на книги в моих руках.

— Значит, вы приехали с ними.

— Они всё ещё со мной, как видите.

— И как поездка?

— Одна всю дорогу молчала. Вторая тоже. Идеальные отношения.

Он рассмеялся опять.

Вот теперь открыто.

И я испытала странное, совершенно ненужное удовольствие.

— Габриэль! — раздался женский голос.

Мы оба повернулись.

К нам шла высокая женщина лет пятидесяти в тёмно-синем платье. Серебряные нити в её чёрных волосах не делали её старше. Они делали её страшнее.

— Ты исчез из круга гостей.

— Я стою в собственном дворе, тётя. Это довольно сложный способ исчезнуть.

Её взгляд переместился на меня.

Я немедленно перестала чувствовать себя человеком и стала предметом, выставленным на аукцион.

— А это?

— Сеньорита Инес Феррер.

Он знал моё имя две минуты и произнёс его так естественно, будто мы были знакомы годы.

— Она приехала с книгами.

Женщина посмотрела на стопку.

— А.

Одного «а» оказалось достаточно, чтобы напомнить мне моё место гораздо эффективнее виконта.

— Я жду управляющего, — сказала я. — Простите за беспокойство.

— Какого управляющего?

— Сеньора Рибера.

— Рибера сегодня в городе.

Я медленно повернулась к слуге, который велел мне ждать.

Слуга внезапно оказался очень занят подносом.

— Разумеется, — сказала я.

Габриэль прикусил губу.

— Не смейте.

— Я ничего.

— Вы сейчас снова смеётесь.

— Внутренне.

— Это ещё хуже.

Женщина перевела взгляд с него на меня.

— Габриэль, кто эта девушка?

— Я же сказал. Инес Феррер.

— Я слышала имя.

— Тогда вопрос становится философским.

— Не испытывай моё терпение.

Он наклонился ко мне чуть ближе.

— Это моя тётя, донья Беатрис де Альварадо. Она считает терпение семейным капиталом и очень не любит, когда я его трачу.

— Я стою рядом, — холодно заметила донья Беатрис.

— Именно поэтому я говорю правду.

Я опустила глаза, скрывая улыбку.

И в этот момент из дома вышел пожилой мужчина.

Габриэль выпрямился.

Что-то в нём изменилось мгновенно.

Не лицо.

Не поза.

Просто исчезла лёгкость.

— Отец.

Маркиз де Монтельяно был высоким даже в возрасте. Худым, седым, опирался на трость, но смотрел так, что трость казалась не признаком слабости, а дополнительным аргументом.

Его взгляд упал на книги.

— Феррер?

Я кивнула.

— Инес Феррер, сеньор маркиз. Мой отец восстановил ваши издания.

Он подошёл ближе.

И тогда произошло что-то странное.

Маркиз посмотрел на моё лицо.

Потом на руки.

Потом снова на лицо.

— Феррер, — повторил он.

На этот раз иначе.

Габриэль это услышал.

Я тоже.

— Вы знали моего отца? — спросила я.

Маркиз замер на мгновение.

— Нет.

Слишком быстро.

А потом взял книги и передал их слуге.

— Поблагодарите вашего отца.

— Обязательно.

Я присела в коротком реверансе.

— Теперь я могу уйти?

Донья Беатрис подняла бровь.

Габриэль отвернулся, потому что опять смеялся.

— Никто вас не удерживает, сеньорита, — сказал маркиз.

— Прекрасно.

Я пошла к арке.

— Сеньорита Феррер, — окликнул меня Габриэль.

Я обернулась.

— Вы забыли кое-что.

Он поднял маленькое пирожное с тарелки.

То самое, которое я не успела доесть.

— Я предпочитаю завершённые истории.

— Оставьте себе.

— Тогда мы квиты?

— Мы и так ничего друг другу не должны.

Он улыбнулся.

— Это всегда временно.

Я закатила глаза и ушла.

На тот момент я считала его просто самоуверенным аристократом с хорошими зубами и слишком лёгкой улыбкой.

В свою защиту скажу: я знала его около семи минут.

Глава 3

Мужчина, который смеялся

На следующий день Габриэль де Альварадо пришёл в наш магазин.

Я уронила коробку перьев.

Не потому, что увидела его.

Потому что Томас толкнул меня локтем и зашипел:

— Инес. Инес. Инес.

— Если ты скажешь моё имя ещё раз, я забуду его из принципа.

— Это он.

— Кто?

— Тот.

Удивительно информативно.

Я подняла голову.

И увидела «того».

Он стоял у входа, сняв шляпу, и рассматривал вывеску с таким видом, будто действительно интересовался историей её появления.

Сегодня на нём был тёмный костюм, и в тесном помещении магазина он выглядел ещё более неуместно, чем я вчера в Сан-Аурелио.

Справедливость существует.

Иногда.

— Доброе утро, — сказал он.

— Вы потерялись?

Томас задохнулся от счастья.

Габриэль посмотрел на меня.

— Я надеялся, что вы будете рады меня видеть.

— Почему?

— Обычно люди рады.

— Какая тяжёлая жизнь. Ни одного сюрприза.

Он улыбнулся.

Из мастерской вышел отец.

Увидел гостя.

Замер.

— Сеньор де Альварадо.

— Дон Матео.

Габриэль протянул руку.

Отец, слегка растерявшись, пожал её.

— Что привело вас к нам?

— Книги моего отца.

— С ними что-то не так?

— Напротив. Он остался очень доволен.

Папа заметно расслабился.

— Рад слышать.

— И я хотел заказать ещё несколько переплётов.

Он положил на стойку небольшую карточку со списком.

Я посмотрела.

Десять книг.

Очень дорогая работа.

Папа тоже посмотрел.

— Конечно.

— И, возможно, печатные карточки для упаковочных ящичков. Наши конторы сейчас меняют маркировку.

Я подняла глаза.

Габриэль уже смотрел на меня.

Вот тут мне не понравилось.

Не сам заказ.

То, как вовремя он появился.

— Мы не просили благотворительности, — сказала я.

Отец тихо произнёс:

— Инес.

— А я не предлагал, — спокойно ответил Габриэль.

— После вчерашнего вы внезапно решили, что вам нужны услуги маленькой мастерской?

— Моя семья пользуется услугами вашей мастерской много лет.

— Книги — да. Но упаковочные карточки?

Он опёрся ладонями о стойку.

— Сеньорита Феррер, вы всегда допрашиваете клиентов?

— Только подозрительных.

— Я польщён.

— Не стоит.

Отец закрыл глаза.

Я узнала семейный жест.

— Инес, отнеси, пожалуйста, эти коробки в мастерскую.

— Папа.

— Сейчас.

Я взяла коробки.

— Было приятно снова вас видеть, — сказал Габриэль.

— Вы же только что признались, что людям всегда приятно видеть вас. Зачем спрашивать подтверждение?

Томас уронил голову на стойку, чтобы спрятать смех.

Я ушла в мастерскую.

Но дверь оставила приоткрытой.

И конечно, слушала.

Я не горжусь этим.

Но и не особенно раскаиваюсь.

Габриэль говорил с отцом о заказе, потом о бумаге, потом вдруг спросил:

— Ваша семья давно в Валенсии?

Тишина.

— Всю жизнь, — ответил отец.

— Ферреры встречаются в старых книгах Сан-Аурелио.

Мне стало интересно.

— Мой отец работал там? — спросил папа.

— Не ваш отец. Ваш брат.

Коробка в моих руках чуть не упала.

Отец долго ничего не говорил.

— У меня нет брата.

Это было враньё.

Плохое.

Я знала о Рафаэле.

Не много.

Только что он был младшим братом отца, работал где-то при большой конторе, потом исчез. В семье о нём не говорили. Мама однажды сказала, что некоторые люди уходят так далеко, что даже воспоминания о них приходится закрывать дверью.

Мне тогда было двенадцать, и я ничего не поняла.

Сейчас поняла ещё меньше.

— Простите, — сказал Габриэль. — Возможно, я ошибся.

— Вероятно.

И голос папы стал таким, что даже я не стала бы спорить.

Через минуту колокольчик двери звякнул.

Габриэль ушёл.

Я вышла из мастерской.

Отец стоял у стойки, сжимая его карточку.

— Папа.

— Нет.

— Но я ещё ничего не спросила.

— Именно поэтому отвечаю заранее.

— Что Рафаэль делал в Сан-Аурелио?

— Инес.

— Он работал на Альварадо?

Отец посмотрел на меня.

Лицо у него было серым.

— Не произноси это имя.

— Почему?

— Потому что я прошу.

— Это не объяснение.

— А я не обязан тебе объяснять всё.

Вот тут стало больно.

Я выпрямилась.

— Хорошо.

— Инес...

— Всё хорошо.

И ушла наверх.

Разумеется, ничего не было хорошо.

Особенно потому, что через полчаса я увидела через окно Габриэля.

Он стоял на противоположной стороне улицы и разговаривал с женщиной в очках.

Тем самым пожилым мужчиной, который был рядом с ним вчера.

Они смотрели на наш магазин.

Не на вывеску.

На окна.

И впервые мне пришло в голову, что Габриэль де Альваро появился здесь не только ради возможности снова надомной посмеяться.

Странно, но эта мысль меня разочаровала.

Три дня он не приходил.

Я не ждала.

Хочу уточнить это сразу.

Я просто отмечала отсутствие раздражающего человека, потому что отсутствие раздражителя естественным образом заметно.

На четвёртый день я застала его на площади Рынка.

Точнее, он застал меня.

Я торговалась за персики.

— Восемь сентимо, — сказала продавщица.

— Шесть.

— Восемь.

— Вчера было семь.

— Вчера был вторник.

— А сегодня персики стали благороднее?

— Сегодня они мои.

— Весомый аргумент.

— Семь.

— Шесть с половиной.

— Полсентимо не бывает.

— Значит, придётся вам проявить великодушие.

— Я же говорил, что вы страшная женщина.

Я обернулась.

Габриэль стоял рядом.

Без экипажа.

Без слуг.

В светлом летнем костюме, с закатанной на одну пуговицу

манжетой, будто обычный человек.

Это было подозрительно.

— Вы следите за мной?

— Я покупаю апельсины.

Я посмотрела на гору апельсинов за его спиной.

Потом на него.

— У вас есть несколько тысяч деревьев.

— Именно поэтому я разбираюсь в качестве.

Продавщица мгновенно перестала интересоваться мной.

— Дон Габриэль!

— Доброе утро, Кармен.

Он знал её имя.

Она расцвела.

— Для вашей тётки сегодня самые лучшие.

— Моя тётка уверена, что лучшие в провинции растут только у нас. Не разрушайте её веру в мир.

Кармен засмеялась.

Я смотрела на него.

Он заметил.

— Что?

— Ничего.

— Вы сказали «ничего» так, будто это оскорбление.

— Я просто не знала, что вы умеете разговаривать с людьми, которые не имеют титула.

— Вы же разговариваете со мной.

— Я делаю исключение.

— Вот и я.

И опять эта улыбка.

Мне хотелось закатить глаза.

Я закатила.

— Ваш отец рассердился после моего визита? — спросил он.

Улыбка исчезла у меня первой.

— Вы знаете ответ.

— Подозреваю.

— Зачем вы спросили о Рафаэле?

Он не сделал вид, что не понимает.

Это я оценила.

— Потому что имя было знакомо.

— Откуда?

— Из старых бумаг.

— Каких?

— Сеньорита Феррер, вы очень плохо умеете вести светскую беседу.

— Я не веду светскую беседу.

— Это заметно.

— Так каких бумаг?

Он секунду смотрел на меня.

Потом взял один персик из моей корзины.

— Эй.

— Семь сентимо, — сказал он продавщице и бросил монету.

— Это мой персик.

— Теперь мой.

— Вы только что украли его и заплатили другому человеку.

— Звучит гораздо хуже, когда вы так формулируете.

Он откусил.

Я стиснула зубы.

— Габриэль.

Он поднял брови.

Я тоже замерла.

Я назвала его по имени.

Без «дон».

Без титула.

Просто Габриэль.

На площади вокруг нас кричали торговцы, звонили колокола, кто-то спорил о цене рыбы, мимо прошла женщина с корзиной цветов.

И почему-то на одну секунду всё стало слишком тихо.

— Инес, — ответил он.

И это было хуже.

Потому что моё имя в его голосе вдруг стало звучать так, словно между нами уже существовало что-то, чего на самом деле не было.

Я протянула руку

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.